

18+

Вячеслав Вячеславович
Киктенко

Предместье

Вячеслав Киктенко

Предместье

«Издательские решения»

Киктенко В. В.

Предместье / В. В. Киктенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511416-7

Предместье — это не только реальный пригород мегаполиса, но и более широкое понятие: «...но как грустна провинция землиВ томительном, сиротском предстояньи — Не место, а Предместье, где в бурьянеМы огоньки туманные зажгли».

ISBN 978-5-00-511416-7

© Киктенко В. В.
© Издательские решения

Содержание

Вячеслав Киктенко	6
ВЕСНА НА ПУСТЫРЕ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Предместье

Вячеслав Вячеславович Киктенко

© Вячеслав Вячеславович Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-1416-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вячеслав Киктенко ПРЕДМЕСТЬЕ

«Только всё неотступнее снится

Жизнь другая, моя не моя...»

А.А.Блок, «Соловьиный сад»

1

Смеркается. В городе осень. К оградам
Деревья склоняются, и молодой
Кружочек луны проплывает над садом,
Как будто кувшинка плывёт над водой.
Опять здесь затишье. Мне это знакомо.
Сейчас из оврага запахнет вода,
А дальше, над крышей белёного дома,
Над старой скворешней очнётся звезда...
Здесь листья траву устилают, старея,
Их медленно жгут вечерами в садах,
И в синем дыму ещё слаще, острее
Осеннюю яблонью воздух пропах.
Холодные горы в прозрачном тумане.
Взрослеет луна. Над горами светло.
А здесь, за оврагом, – в низине, в бурьяне
Огни переулков предместье зажгло.
Я в сад постучусь. Мне откроют калитку,
Листву отряхнут и протянут в руке
Два крепких плода и сухую улитку,
Уснувшую на золотом черенке...
Негромко листва захрустит меж стволами,
Растает в осеннем саду пальтецо,
И словно ручное, гасимое пламя
За дымкой, во мгле – отмерцает кольцо...

2

Травой дохнуло от земли,
Кривые улочки пошли,
Пересеклись – тропа к тропе —
И завияли по траве.
Тропинка к дому привела,
Там зайчик прыгнул от стекла,
Ушёл в траву, привстал светло,
И – бабочка зажгла крыло.
Мигнула раз, мигнула два,
И – съела бабочку трава.
Я стукнул в дверь. Упёр плечо.
Мне зашептали горячо,
Пугливоглазы и темны,
Витиеватые вьюны:
– «Она жива, она жива,

Но дело в том, что здесь – Трава!..

А в доме шьют, и всё грустят,

А с пальцев кольцами блестят...

Трава уже взяла крыльцо,

У ней зелёное лицо,

Мы ей рабы, а не друзья,

И нам послушаться нельзя...»

Я не дослушал болтовни,

Я знал совсем другие дни,

Я знал совсем не те слова,

Не так в саду росла трава...

Я повернулся – на меня

Летящих нитей шла стена.

3

Антоновкой пахло в саду, и апортом

В соседнем саду, а внизу, у воды

Прохладной малиной и мокрым забором,

В овраге полощущем клоч борода.

Там сырость живёт и зелёная вата,

Там срублена яблоня в тёмном углу,

Там к яблоне мох подползал виновато

И вверх – на три пальца – проплыл по стволу.

Там дух запустенья... но к вечеру планку

В заборе раздвинут, в воде постоят

И воду – тугими рывками – по шлангу

Движком перетянут и сад напоят...

Хозяин живет в бороде и величьи,

Он любит по саду ходить в сапогах,

Не любит вывешивать знаки отличья

И любит сукно допотопных рубах.

Мы чай с ним под лампочкой пьем на веранде,

Он век говорить о соседях готов,

Он смотрит туда не антоновки ради,

А ради печальной хозяйки плодов.

Он вспомнит себя, он вдруг вспомнит солдата,

Вдруг вспомнит, смущаясь, ведь он не забыл,

Что сад его был мне соседним когда-то,

Не то чтобы мне, ну а всё-таки был,

Но он позабудет о странной соседке,

Он вспомнит иное совсем для меня,

Пока за оградой – в дому и в беседке —

Гасить перед сном не возьмутся огня.

4

Ещё не ночь, и ещё гармоника

По переулкам не слышна.

Над слободкой, как бритва, – тоненькая,

Пыльная, пыльная луна.

И дорога пыльная, белая,

Под обрыв, под уклон, к садам.

Словно срезано, яблоко спелое
В пыль покатится по следам...
О какой же ещё там отраде?
Просто взять и прийти сюда,
Прислониться спиной к ограде,
Руки вымыть водой из пруда.
Просто взять и увидеть зяблика,
Горсть испуганной ряски взять,
Просто запах спелого яблока,
Запах яблока рассказать.
Человеку живому и близкому
Показать эту жизнь сполна:
Дом в долине. Улочка низкая.
Дым над пригородом. Луна
б
Я с хозяином попрощаюсь,
На мостке через пруд покачаюсь,
Ещё раз отражусь в пруду,
И опять увижу над домом,
Над скворешней, над садом знакомым
В дымке дремлющую звезду.
А за речкой – ларьки, магазины...
И опустится с гор предзимье,
И останется за спиной
Сад с фигуркою незаметной...
И калитка с цепочкой медной
Заскрипит из травы за мной.

5

..а потом поплыла паутина,
Повлеклась по ветвям, побрела
Вдоль калиток, клонясь,

и руина

Мёртвой осени сад облегла.

Только дыма не вывелся запах,
Только зелень доспела в пруду,
Только яблоко в тёмных накрапах
Птичьих клювов осталось в саду...

До прожилок пронизан ветрами.
Синим блеском проколот в ночах,
Сад с большими, слепыми ветвями
Чёрных птиц закачал на плечах.

Сбились к дому деревья, поближе
К теплым стенам, и ходят вокруг,
И к окошкам склоняются ниже,
И суставы обмёрзшие трут.

К ним всё реже в калитку стучатся
И хозяйку не будят с утра,
И поёт вечерами всё чаще
За сараями сталь топора.

***

*«Фонари-фонарики,
Янтари-янтарики,
По столбикам коричневым
Бегут, не унывая,
По самым историческим,
Глухим путям трамвая...».*

Нагулялся по свету, и забыл, чёрт возьми,
Дом и улочку эту вместе с людьми,
Что вставали у двери, подавали совет.
Листья есть еще в сквере. А людей уже нет.
...шёл по листьям в печали, обо всех забывал,
Потому, что вначале больше шум волновал,
К устью улиц трамваи шли, кренясь, под уклон,
Шли враскачку, срывая снопы огней за углом,
Полыхали огнями меж ветвей по ночам,
И обутый камнями, рельс поклонный мычал,
И любовь была горькой, как осенний дымок,
Все горчила... под горкой свет её изнемог.
Только брезжит, всё брезжит меж поросших травой,
Меж путей непроезжих – рваный след огневой...

***

Ахнут иглы – вспыхнет ёлка.
В новогоднюю пургу
В домик твой отправлюсь, долго
Буду путаться в снегу.
В окнах свет, конец недели,
Время к водке, к пирогам.
Струйки жаркие метели
Тонко вьются по ногам,
Двор со мной перебегают,

Проползают под дверьми,
У ствола изнемогает
Золотого... ты пойми,
Грустно им за дверью, в праздник,
Эту змейку подберу.
Ты не рада? Стол украсим —
Поползёт по серебру.

***

Нахлобучу медвежью маску
И дождавшись вечерней мглы,
Захромаю, горя, в сказку
По морозцу, скирпы, скирпы.
Все по сёлам спят, по деревням спят,
Лишь одна не спит, взаперти
Похожу, поброжу, и приду опять,
Ночевать, попрошу, пусти...
Засмеется, проклятая, скажет: «Завал!
Или ты, зверина, сдурел?
Как ты жил-поживал, где ты был-почивал?
Посмотри, ведь совсем озверел!..»
Сдёрну маску – берложиной – скажет – прёт
Разобраться, а ведь права!
Да и кожу, скажет, щетина трёт,
И скрипят в темноте слова.

***

Как, бывало, всходил по ночам на крыльцо.
Ворковал, токовал, лютый стыд хороня,
И пошла за меня, и закрыла лицо.
Пожалела меня.
Не любила молчать да сидеть взаперти,
Белый шарфик летал за плечами, светя.
Отхотела светить, так побудь, погоди,
До рассвета хотя...
Если долго живой не увидать звезды,
Человеку иная приснится звезда,
Есть старинная быль, как хотелось воды,
И качалась в копытце вода...
Верь, сестрица, не верь, сплыли те времена,
И уже обернуться туда мудрено,
Обернулись, и поздно, и жалость видна,
Заблужденье одно.
А всходил на крыльцо, ворковал, токовал,
Сокрушался душой, что чужая вода...
Вот и попил своё. А тогда воровал.
Выло слаще тогда.

***

Мороз. Саблезубые крыши.
Всё выше, и выше, и выше
Душа устремляется, – там
Всё строже, прозрачнее, тише,
Чем даже в таком захолустьи,
Особенно в зимнюю пору,
Особенно по вечерам,
Когда, обмирая от грусти
Какой-то мерцающей вести,
Проникшей в студёные створы
Земли, как в погашенный храм
(Самим истомясь предстоянием
Земли этим смутным сиянием,
Предвестьям глухим и таинственным),
Вдруг вышатнешь душу мирам.

Особенно в зимней провинции.
Особенно в тихом предместье.
Особенно по вечерам.

***

С котомкой грачей, весь в отрешках,
Завалится в город февраль
Бузить и орать на деревьях,
И врать как безумный король,
Снежком, по-весеннему лживым,
Запахнет и воздух сырой,
И жар, побежавший по жилам
Под мокрой и слабой корой,
Весь кратер туманного цирка,
Где старый насмешник и враль,
Культия, колченогая цифра,
Хромает по лужам февраль,
Хмелёк распаляет в гулёнах,
Вздувает стволы фонарей,
И светятся стайки влюбленных
Средь мыльных его пузырей...

***

Заречное крылечко, точёные балясины...
А свечка помаленечку в стакане убавляется.
Поёт гитара в садике о невозвратном самом,
А у тебя экзамены. А я подкрался садом.
Но ты послушна, милая, ты вышла на крылечко,
Ты ручку – на перила, а на руке – колечко.
Глаза твои серьёзны, волосы распущены,
Спрашиваешь грозно, сердисься всё пуще...
Целую долго, медленно, и задуваю свечку.
На эти аргументы тебе ответить нечего.

Молчишь... потом прикуриваешь...
Светя дрожащей спичкою,
Над зеркальцем припудриваешь
Взволнованное личико.
Боясь вопросов маминых,
Снимаешь ты колечко,
Идёшь учить экзамены,
И вновь в окошке свечка...
А я о камень брошенный
Споткнусь у вашей булочной,
Подумаю о прошлом,
Подумаю о будущем...

***

Весна и в город вхожа, но об этом
Как будто и не помнится, а там,
За речкой, там урюк зажгли прозрачным светом
И луч протянут к розовым цветам.
Очнулись горы, медленные крабы,
И задышали синие снега,
Сейчас на город двинутся ухабы
Косого света, хлынут облака,
День вынырнет, раскатится по пыльным,
С горы бегущим в поле тополям,
Звонком трамвая, радостным и сильным,
Скорлупку дня расщёлкнет пополам,
И вдруг поймёшь в туманной панораме,
В разломе дня: совсем на рубеже
Весна, уже совсем не за горами, —
За речкой, и спускается уже
С предгорий в город и, как в раннем храме, —
Сквозь тёмный створ – протянут луч к душе.

ВЕСНА НА ПУСТЫРЕ

Где засохший плетётся тополёк-золотарь,
Тонким светом нальётся изумрудный фонарь,
Вспыхнет клён, и береза опушится махрой,
Дуб сифон купороса опрокинет, герой!
...тополиный, точёный ствол затёсан в металл —
Чей-то обруч с бочонка ржою рёбра сглодал,
И бредёт он по свалке, наклоняясь вперёд,
Только галки-нахалки разевают свой рот,
Кровью вязкою ранка заливает кору,
И листва, как жестянка, дребезжит на ветру...
***

Как сидели на подоконнике,
Собеседуя вполплеча,
Опьяневшие по-диковинке
От нагретого кирпича,
Как сиреневой ночи не слышали
Холодком задышавшую тьму,
Как не ведали, что под крышами
Проступают по одному,
Словно зёрна налива янтарного
Жарко вздрагивающие огни...
Зернам холода планетарного,
Оказалось, те зёрна сродни,
Оказалось, когда под узорными
Абажурами, точно во сне,
Вспыхнул свет в твоём домике, чёрными,
Прислонившимися к стене,
Навсегда не доспоривши, не
Примиришь поцелуями, спорными
Аргументами, клятвами вздорными,
Мы остались дрожащими зёрнами,
Чётко выступившими в окне,
Навсегда...
***

К Пасхе, в ту пору, когда
Слабо слезится звезда,
Тряпку в руки бери,
Дому глаза протри,
Состарились, запылились...
Соседи уже отбелились.
Как взвизг изумлённый ребёнка
Вымыты стекла звонко,
А в повечерней мгле
Что-то поёт в задышавшем стволе,
По тополю у крыльца
Перекликаются

В окошечке цветок голубой
С синей звёздочкой над избой.

***

Вечера задышали сиреню.
Мы стоим у чужого куста.
Ты тоску называешь мигренью.
Я твой рот называю уста.
Не грусти, это просто усталость
И обида на злую судьбу.
Нам свою демонстрируют жалость
Старики, поджимая губу.
В каждой ветке дыханье галактик,
А хозяева – хуже собак...
Ты сиреневый сбросишь халатик,
Загашу я душистый табак...

***

В зелёном свете переулка
На кованом крюке фонарь
Дремуч, как дедова шкатулка,
Железами обитый ларь.
Здесь те же вёрсты и сажени,
Здесь пуд с аршином не забыт.
В кругах таинственных решений
Торжественно вершится быт.
Б. брусчатник полоснут две фары,
Взрвёт мотор, и – тишина.
Века стоят здесь, как амбары
Тумана, пороха, зерна.
А если встретишь человека,
То он спешит наверняка,
И уклоняется от века
Косым крылом дождевика.

***

Пахнет ревизией списанный хлам.
Кум, да сам-друг. Скобяная лавчонка.
Накеросинила ночь по углам,
Набедокурил кривой мужичонка —
Щурится слепо, мол, что с мужика
Взять-то теперь? Разберись что откуда!
– «Цифру писал... так писал от пенька,
Глаз-то мутён, с грамотёшкою худо...
Это всё ты колдовал, куманёк!
Жёнка в земле, третий год сиротею,
Дочь-сиротинку, и ту не сберёг,
Глянь-ко, покойница, – выдал злодею!
Кто ж тебя ведал, шельмецкую морду?
Значит, в бега, каждый сам по себе,
Выручка поровну, дочка тебе?..
Пёс шелудивый, проваливай к чёрту!

Вам-то чего? Вся семья вор на воре,
Я ж дворянин, пусть мужицкой руки,
Выдь-ко из лавочки – чем не подворье?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.